

Тамаш Петер Кишбали

Модели культурных процессов в Карии эпохи Гекатомнидов

В IV в. до н.э. (ок. 392–334 гг. до н.э.) Карией управляла династия Гекатомнидов, представители которой действовали как местные цари и сатрапы державы Ахеменидов одновременно. Они поддерживали местные культы и, в определённой мере, «карийскую идентичность», но также активно взаимодействовали с греческим миром. Для описания подобной модели (и её политических, социальных, культурных, художественных, и т.д. аспектов) часто применяется термин «эллинизация», однако он в последнее время подвергается критике; исследователи в первую очередь предлагают категории, предполагающие синтетические модели. В этих моделях карийцам также отводится более активная роль, они не воспринимаются как приемники или субъекты культурного влияния.

В целом, эти модели удовлетворительны, однако хочется поговорить о *мотивах*. Что именно влечёт карийских династов к тем или иным аспектам греческой культуры?

Этот вопрос особенно важен в том числе потому, что деятельность Гекатомнидов часто рассматривается изолированно, хотя в этот же период, в IV в. до н.э., и в других регионах представители элит (в том числе элит, связанных с Ахеменидами) активно обращаются к греческой интеллектуальной, политической и художественной традициям. Таким образом, в данной статье предлагается рассмотреть поведение Гекатомнидов в контексте взаимодействий групп локальных элит в ареале Восточного Средиземноморья.

Поскольку заявленная тема во многом связана с широким спектром культурных моделей, предлагаемых разными исследователями, необходимо поговорить о некоторых публикациях.

Начиная с монографии «Мавсол» Саймона Хорнблоуэра [Hornblower 1982] принято выделять три категории культурных процессов в Кари, три направления: 1. «эллинизация», 2. «иранизация», 3. усиление местной карийской составляющей [Hornblower 1982: 352–353]. Обобщая все аспекты, Хорнблоуэр отмечает «культурную гетерогенность» Кари в IV в. до н.э. Данная монография легла в основу большинства исследований, ведь в ней впервые предпринят всесторонний анализ деятельности Мавсола и Гекатомнидов. Этот труд способствовал формированию общепринятой картины Кари в контексте истории древнего мира. Местные правители сочетают в себе власть сатрапа, данную Ахеменидами, с сакральным царством, основанным на местных традициях¹. Их политика во многом превосходит модели поведения эллинистических правителей². Династия, сумевшая в IV в. до н.э. создать в юго-западной Малой Азии квазигосударственное образование, демонстрирует широкий набор политических инструментов — обращение к греческому культурному опыту было лишь одним из них. Знатные потомки Гекатомны из Милас после обретения титула сатрапа постепенно расширяют свою сферу влияния, всегда уделяя много внимания репрезентации собственной власти. Самым мощным политическим актом, пожалуй, можно считать предпринятый Мавсомом синойкизм прибрежного Галикарнаса и окружающих городов [Hornblower 1982: 78–105]. Во внутренних же регионах Гекатомниды активно осваивали карийские религиозные центры — засвидетельствовано множество посвящений в Синури, Амизоне и в Лабрандах, и, конечно, масштабные строительные проекты. Любопытно, что Хорнблоуэр, в статье, написанной 30 лет спустя для «Оксфордской энциклопедии классической цивилизации», снова обращается к проблеме описания культурных процессов и представляет критическое переосмысление терминов «эллинизм» и «эллинизация» [Hornblower 2014]. Оценка

¹ О сочетании разных титулов представителями династии см. также [Marek 2015].

² См. напр. недавнюю работу — сравнительный анализ Кари эпохи Гекатомнидов и Иудеи эпохи Маккавеев: [Chrubasik 2017].

«эллинизации» усложняется и отсутствием источников, свидетельствующих о «негреческом» взгляде на обращение к эллинскому наследию. Необходимо также учитывать и тот нюанс, что «культурная» или «художественная» эллинация, особенно на территории Малой Азии, вполне спокойно уживается с поддержкой персидской гегемонии и с политическими и военными действиями, направленными против греков.

Кария эпохи Гекатомнидов всё больше привлекает внимание исследователей, и описание культурных моделей, а также вопросы карийской идентичности являются основной темой. Среди публикаций последних лет можно выделить сборник статей «Кария в IV веке до н.э. Карийская идентичность в эпоху Гекатомнидов» (2013 г.), в особенности статью Анна-Мари Карстенс «Карийская идентичность — политический оппортунизм или пример креолизации?» [Carstens 2013]. Карстенс опирается на работы шведского антрополога Ульфа Ханнерца о (культурной) креолизации, понимаемой как отражение саморазвивающегося процесса, подпитываемого совместным проживанием разных этнических и культурных групп.

Недавняя статья Николая Ефремова — важный вклад в данный раздел [Ефремов 2015]. Во-первых, в ней задействована чрезвычайно широкая источниковедческая база. Во-вторых, это статья именно об идентичности и идентификации Гекатомнидов как династии (как карийской династии), а не об идентичности карийского народа. В плане интерпретации культурных моделей автор соглашается с Карстенс и поддерживает теорию «креолизации», но дальше не развивает эти идеи [Ефремов 2015: 34].

Вопросы «политической аккультурации» Карию исследует и Хилмар Клинкотт в ряде статей, уделяя внимание влиянию «официальной» ахеменидской придворной культуры на элиты юго-западной Малой Азии [Klinkott 2002; 2009]. Именно это влияние и есть то, что большинство учёных называет «иранизацией» (в англоязычной литературе чаще всего звучит *Persianization*, «персианизация»). На уровне материальной культуры оно лучше всего проявляется в предметах роскоши, в царских подарках³, но распространяется и на административные практики и придворный этикет [Dusinberre 2013: 49–80, 114–140].

³ См. также статью Р.Р. Вергазова в настоящем сборнике.

Важной тенденцией историографии последних лет является подчёркивание активной роли и внутренней инициативы местных элит при обращении к тем или иным культурным формам. «Эллинизация», «иранизация», смешение этих аспектов в разных соотношениях — результат «внутренней политики и локальных династических амбиций» [Dusinberre 2013: 262]. Сознательность выбора акцентируется и другими исследователями [Tuplin 2010: 167; Chrubasik 2017: 88–94].

Рассмотрим теперь подробнее, с каким именно сознательным стремлением может быть связана «эллинизация».

Во многих случаях — это желание «играть по правилам» — сознательное соблюдение определённых конвенций, правил поведения и общения, принятие норм общественной жизни и культуры — то есть «инкультурация», являющаяся темой настоящей конференции. Необходимо оговорить, что в рассматриваемом случае инкультурация происходит на уровне правящей династии и элиты.

В качестве анекдотической иллюстрации можно привести встречу Агесилая, царя Спарты, и Фарнабаза, сатрапа Геллеспонтской Фригии. Спартанец ждёт перса, сидя на лужайке. Фарнабаз же «прибыл в одежде, стоящей много золота; но, когда слуги хотели подостлать ковры, на которых обыкновенно небрежно восседают персы, он устыдился такой роскоши, видя простоту нравов Агесилая, и сел также попросту на землю» [Xen. Hell. 4.1.29–30]. Детали этого отрывка, разумеется, могут не быть историческими фактами (Ксенофонт представляет всё в свойственном ему романтическом ключе), однако этот эпизод очень хорошо иллюстрирует *возможную психологию* малоазийского сатрапа, желающего по собственному усмотрению строить политику на своей территории, и, в более широком смысле, в эгейском или восточно-средиземноморском ареале. Материальная культура, связанная с ахеменидской придворной традицией (дорогие одеяния, предметы роскоши), не подходит для ведения переговоров с представителем другой традиции.

Однако необходимо рассмотреть более конкретные и верифицируемые примеры. Интересным представляется, например, участие Гекатомнидов в системе проксении. Декрет о даровании проксении жителям Кносса содержит следующие положения:

«Постановили Мавсол и Артемисия: так как кносцы в частных и государственных делах всегда были добрыми мужами к Мавсолу

и делам Мавсола, то быть им проксенами и эвергетами на вечное время. Иметь им освобождение от налогов в пределах территории Мавсола и право входа и выхода (из гавани) с гарантией безопасности и без особого соглашения. Если кто-либо будет несправедлив в отношении кносцев, то Мавсолу и Артемисии по мере сил следует позаботиться о том, чтобы им не причинили вреда».⁴

Исследователи отмечают, что, если основная формула и порядок декрета вписываются в «греческие» правила, то субъекты и объекты — вовсе нет. Вместо постановления полиса мы имеем постановление от лица царской четы, а вместо индивидуальных почестей — с дарованием привилегий целому кругу лиц [Ефремов 2010: 140–141; Vlassopoulos 2013: 137–138; Mack 2015: 25, п. 9]. Очевидно, что Мавсол и Артемисия, представители династии Гекатомнидов, не пассивно воспринимают некое внешнее влияние и «подвергаются эллинизации», а, наоборот, активно и сознательно *манипулируют* символическим языком греческой системы проксении.

Важно подчеркнуть, что обращение к отдельным аспектам греческой культуры (или даже «эллинизация») — не цель династии, а лишь необходимый этап и набор инструментов для укрепления своей позиции на международной арене.

Ведь в IV в. до н.э. на территории Средиземноморья существовала сложная система обмена между локальными группами элит. Это была система обмена в широком смысле — система циркуляции вещей, людей и идей. Для набирающих силу аристократических групп такая «сеть» служила и средством самоутверждения на международном уровне, и катализатором соревнования между собой. Среди основных практик можно назвать активное строительство и покровительство искусствам [Boardman 1994; Ridgway 1997; Corso 2008; Vatai 1984], участие в институте проксении [Gauthier 1985; Mack 2015], получение и оказание привилегий и почестей, совместные пиры и охоты. Различные аспекты системы привлекают внимание исследователей: например, торгово-экономические, военно-политические и т.д. Как кажется, явления, о которых идёт речь, отражены в более широком географическом ареале, включают целый ряд регионов: Македонию, Фракию, При-

⁴ Перевод Н.В. Ефремова [Ефремов 2010: 140].

черноморье, Ликию, другие области и острова Малой Азии, Кипр и т.д.

Интересный и довольно хорошо прослеживаемый «срез» этой системы — это контакты и параллели между двумя восходящими, набирающими силу династиями — карийскими Гекатомнидами и македонскими Аргеадами.

Обладая, возможно, разными исходными положениями, но близкими амбициями, владыки этих регионов (Карии и Македонии) демонстрировали схожую психологию поведения, особенно в области репрезентации своей власти. Они опирались на поддержку знатных семей, важными аспектами являлись совместные охоты и пиры, интегрированные как в социальную и политическую жизнь, так и в круг представлений, связанных с загробным существованием⁵.

Зная исторический ход событий, мы привыкли воспринимать македонцев как «победителей». Однако хочется отметить, что в середине IV в. до н.э., вероятно, расстановка сил в регионе ещё не была столь очевидной. Они примерялись друг к другу, следили за действиями соседних династов, пытались вступать в контакт, выстроить баланс в рамках системы, состоящей, в целом, из более или менее равных участников.

Например, в речи «Филипп» (от 346 г.) Исократ, описывая возможных малоазийских союзников в борьбе с персами, указывает Идриея, карийского правителя — «самого богатого из нынешних властителей на материке» [Isocr. 5.103]. Идрией правил Карией после смерти Мавсола и затем Артемисии, в период 351–344 гг. до н.э. Следующее сведение о связях македонских и карийских царей — это попытка заключения брака между дочерью Пиксодача (годы правления: 340–334 до н.э.) и одним из сыновей Филиппа — сначала Арридеем, а затем Александром. Это событие произошло примерно в 336 г. до н.э. и отражено только у Плутарха [Plut. Alex. 10]. В исследовательской литературе даются разные оценки достоверности и точности сведений⁶, однако вполне можно допустить, что планы о таком союзе действительно обсуждались.

⁵ Подробнее о параллелях в погребальной архитектуре Карии и Македонии см. [Kisbali 2017].

⁶ См. напр.: [Hatzopoulos 1982] и [Ruzicka 2010].

Имеются также «непрямые» контакты, косвенные сведения. Среди греческих интеллектуалов и художников есть целая группа, примыкающая ко двору как Гекатомнидов, так и македонских Аргеадов.

Прославленный скульптор Леохар работал как по заказу карийских, так и по заказу македонских царей, причём он привлекался к проектам, особенно важным для репрезентации власти династии⁷: Мавзолей в Галикарнасе [Plin. NH. 36.30–31] и Филиппейон в Олимпии. О Филиппейоне говорится следующее: «это здание стоит налево от выхода из Пританея и сделано из обожжённого кирпича; вокруг него стоят колонны. Оно было выстроено в честь Филиппа, когда после битвы при Херонее погибла Эллада. В нём стоят статуи Филиппа и Александра, а с ними и статуя Аминты, отца Филиппа. Это тоже творения Леохара, из слоновой кости и золота, так же как и статуи Олимпиады и Эвридики» (Paus. 5.20.10). Можно также отметить определённое сходство программы этих двух династических монументов — Мавзолея и Филиппейона; хотя в целом македонский памятник во многом ближе к гекатомнидским вотивным статуарным группам, устанавливаемым в подвластных городах [Кишбали, 2016]. Но самым главным в этом примере для нас становится следующее: представители групп элит обращаются к одному и тому же кругу мастеров, что приводит к обмену не только людьми, но и идеями в средиземноморском ареале.

Как и мастера-скульпторы, так и греческие авторы были готовы «дворцам прислуживать и сатрапам»⁸. С одной стороны, это входило в дидактический проект воспитания правителей и их потомков, с другой стороны, разумеется, придворная работа служила хорошим

⁷ Помимо работы над Мавзолеем, по сведениям Витрувия, Леохар (или, возможно, Тимофей) создал статую-акролит для храма Ареса (у Витрувия — Марса) в Галикарнасе [Vit. 2.8.11]. Это тоже могло быть царским заказом-посвящением в рамках масштабного переустройства города Мавсолом. Остаётся открытым вопрос о том, был ли это действительно храм Ареса, или же карийского бога, отождествлённого с ним, например, Зевса Стратия, упоминаемого Геродотом в связи со святилищем в Лабрандах [Hdt. 5.119].

⁸ *αὐτὰς θεραπεύειν καὶ σατράλας* — цитата из пьесы Менандра, приводимая Афинеем [Athen. 15.189e].

источником доходов. Ораторы, поэты и другие интеллектуалы, циркулирующие по античному миру, распространяли определённое мировоззрение, во многом очень привлекательное для амбициозных представителей элит (как греческих, так и варварских).

Важной точкой соприкосновения являлся афинский оратор Исократ и его ученики.

В погребальных агонах Мавсола участвовали «прославленные мужи выдающегося ума и красноречия: Феопомп, Феодект, Навкрат» (Aul. Gell. 10.18)⁹. Все перечисленные деятели принадлежали кругу Исократа, и работали по заказам набирающих силу правителей и представителей элит IV в. до н.э. Феопомп с Хиоса прославился как автор исторических сочинений и был близок к Филиппу II, македонскому царю. Феодект из Фаселиса был учеником Исократа, Платона и, возможно, товарищем Аристотеля. В родном городе (в Ликии) стояла его статуя [Plut. Alex. 17]. На погребальных играх карийского царя Феодект представил трагедию «Мавсол» [Aul. Gell. 10.18.7]. Это сочинение не сохранилось, но, насколько можно судить по упоминаниям, оно, вероятно, представляло собой воздание чести Мавсолу и помещение царя (или его предков) в мифологический контекст [Hornblower 1982: 260, 334–336]. Оратор Навкрат происходил из Эрифр, места, находившегося под сильным влиянием Гекатомнидов (если судить по декретам и статуям представителей династии, воздвигнутым там [Кишбали 2016: 187]).

В чём была привлекательность и польза от трудов греческих ораторов, авторов, интеллектуалов?

Панегирики исократовых учеников по Мавсолу не сохранились, однако можно составить о них представление, опираясь на «кипрские» речи Исократа. Одна из них была заказана Никоклем, царем Саламина (ок. 374/3–361 гг. до н.э.), в честь Эвагора I, около 370 г. до н.э. [Isocrates I, 2000, p. 139–140]. Никокл почтил память отца принесением богатых жертв на его могиле, проведением мусических и гимнических состязаний, выступлений хоров, конных ристаний, соревнований триер. Исократ заключает, что «если мёртвым дано

⁹ Авл Геллий добавляет: «некоторые даже утверждали, что с ними состязался сам Исократ», однако это сведение отвергается большинством исследователей.

чувствовать происходящее здесь, то Эвагор, должно быть, благо-склонно примет эти знаки внимания» (Isocr. 9.1–2). «Однако, продолжает оратор, этого недостаточно, и предлагает, что достойной кульминацией почестей может стать речь-панегирик:

«...он [Эвагор] испытал бы ещё больше радости, если бы кто-нибудь сумел описать так, как они того заслуживают, его образ жизни, равно как и перенесённые им опасности. Ибо легко убедиться, что люди честолюбивые и сильные духом не только стремятся вместо всех прочих почестей к похвале, но даже готовы предпочесть жизни славную смерть и вообще более заботятся о славе, чем о жизни, делая всё, чтобы оставить по себе вечную память. Между тем щедрые поминки ничем тут не могут помочь: они лишь служат признаком богатства. <...> Только слово, если кто-нибудь расскажет надлежащим образом о деяниях Эвагора, сможет запечатлеть на веки вечные в сердцах всех людей воспоминания о его добродетели» (Isocr. 9.2–4).¹⁰

Вполне возможно, что текст Витрувия о Галикарнасе содержит в себе информацию, почерпнутую из (для него ещё хорошо известных) панегириков по Мавсолу. Описание города предваряется восхвалением Мавсола: «о проницательности же его и умении располагать здания можно заключить из следующего. Хотя он родился в Миласах, но, обратив внимание на то, что Галикарнас является естественно укреплённым местом, удобной гаванью и выгодным рынком, основал там свою резиденцию» [Vitr. 2.8.11]. В тексте также акцентируется, что планировка города и расположение царского дворца намечались «по собственному замыслу» Мавсола [Vitr. 2.8.13]. Эти пассажи созвучны с «Эвагором» Исократом. Например, с рассказом о переустройстве (т.е. фактически втором основании) города Саламин: Эвагор I получил «совершенно одичавший и вследствие финикийского владычества не допускавший к себе эллинов, город, не знавший ремёсел, не занимавшийся торговлей, не имевший гавани, он всё это исправил и привёл в должный порядок. Кроме того, он присоединил к городу новую большую территорию, возвёл кругом новые стены, построил триеры и вообще так укрепил этот город своими сооружениями, что он теперь не уступает ни одному из эллинских городов» [Isocr.

¹⁰ Перевод Э.Д. Фролова.

9.47]. Царствование Мавсола, вероятно, было представлено по схеме, схожей с речью Исократов об Эвагоре I. Подчеркивались его роль как синойкиста и (второго) основателя города Галикарнас, его мудрость как правителя, проявляющаяся в обустройстве и укреплении города, его политические и военные решения. Оценка, данная Мавсолу в погребальных речах учеников Исократов, нашла отражение в тексте Витрувия.

Таким образом, мы видим, что обращение к греческим авторам и художникам происходит с определённой целью: хорошо структурированные сочинения учеников Исократов позволяли царю представить свою деятельность как целостную, продуманную систему, на языке и в формах, понятных на широкой международной арене. Статуи, созданные лучшими мастерами эпохи, богато оформленные города, святилища и гробницы способствовали увековечению памяти и славы Мавсола и его семейства.

И, как было показано выше, «целевой аудиторией» подобной эллинизации были его современники — цари и аристократы других регионов. Особенность этого процесса заключается в том, что в «системе элит» в середине IV в. до н.э. отсутствует явно выраженный лидер. Обращение к эллинским культурным достижениям происходит в системе равных между собой групп элит. Эти группы взаимодействуют, соревнуются, т.е. в «системе» также заложены механизмы «самозапуска» и катализа культурных процессов.

Таким образом, к культурным моделям, описывающим состояние Карики в эпоху Гекатомнидов, можно и, как кажется, продуктивно добавить межрегиональный аспект, описанный в статье. Участие в общеэгейской системе взаимоотношений элит, обращение к хорошо установленным и развивающимся греческим институтам, интеллектуальному наследию, художественным формам — по сути аспект репрезентации Гекатомнидов на международной арене.

Список литературы

Ефремов 2010 — *Ефремов Н.В.* Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // Вопросы эпиграфики. Вып. 4 / Отв. ред. *А.Г. Авдеев*. М., 2010. С. 82–165.

Ефремов 2015 — *Ефремов Н.В.* Dynasteia sacrosancta: К вопросу о династической идентичности карийских Гекатомнидов // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 17–41.

Кишбали 2016 — *Кишбали Т.П.* Портреты Гекатомнидов: проблемы идентификации и интерпретации // Способы, направления и уровни реконструкции культурно-исторической реальности. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского / Под ред. *Г.Ю. Колгановой*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 185–198.

Boardman 1994 — *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Carstens 2013 — *Carstens A.-M.* Karian identity — a game of opportunistic politics or a case of creolization? // *Henry O.* (ed.) 4th Century Karia. Defining a Karian Identity under the Hekatomnids. Istanbul–Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil-De Boccard, 2013. P. 209–215.

Chrubasik 2017 — *Chrubasik B.* From Pre-Makkabaeen Judea to Hekatomnid Karia and Back Again. The Question of Hellenization // *Chrubasik B., King D.* (eds.) Hellenism and the Local Communities of the Eastern Mediterranean: 400 BCE — 250 CE. Oxford–London: Oxford University Press, 2017. P. 83–110.

Corso 2008 — *Corso A.* The Impact of the Peace of Antalcidas on Late Classical Visual Arts // *Numismatica e antichità classiche*. 2008. Vol. 37. P. 83–100.

Dusinberre 2013 — *Dusinberre E.R.M.* Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Gauthier 1985 — *Gauthier P.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe-Ier s. av. J.-C.). Contribution à l'histoire des institutions. Bulletin de correspondance hellénique, 12. Athènes–Paris: Ecole française d'Athènes-De Boccard, 1985.

Hatzopoulos 1982 — *Hatzopoulos M.B.* A Reconsideration of the Pixodaros Affair // *Studies in the History of Art*, Vol. 10, Symposium Series I: Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. 1982. P. 59–66.

Hornblower 1982 — *Hornblower S.* Mausolus. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Hornblower 2014 — *Hornblower S.* Hellenism, Hellenization // *The Oxford Companion to Classical Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 359–362.

Isocrates I 2000 — *Isocrates I* / Transl. by D. Mirhady, Y.L. Too (The Oratory of Classical Greece, Vol. 4). Austin: Austin University Press, 2000.

Kisbali 2017 — *Kisbali T.P.* Understanding Parallels between Macedonian and Carian Funerary Architecture in the 4th Century BC // *Македония — Рим — Византия: искусство Северной Греции от античности до наших дней. Мате-*

риалы научной конференции / Под. ред. *Н.А. Налимовой, Т.П. Киубали, А.В. Захаровой* = Macedonian — Roman — Byzantine: The Art of Northern Greece from Antiquity to the Middle Ages. Proceedings of the conference / Ed. by *N.A. Nalimova, T.P. Kisbali, A.V. Zakharova*. М.: КДУ — «Университетская книга», 2017. P. 36–53.

Klinkott 2002 — *Klinkott H.* Zur politischen Akkulturation unter den Achaimeniden. Der Testfall Karien // *Blum H., Faist B., Pfälzner P., Wittke A.-M.* (Hrsg.) *Brückenland Anatolien?: Ursachen, Extensität und Modi des Kulturaustausches zwischen Anatolien und seinen Nachbarn*. Tübingen: Attempto, 2002. S. 173–204.

Klinkott 2009 — *Klinkott H.* Die Karer im Achaimenidreich // *Rumscheid F.* (Hrsg.) *Die Karer und die Anderen. Internationales Kolloquium an der Freien Universität Berlin 13. bis 15. Oktober 2005*. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2009. S. 149–162.

Mack 2015 — *Mack W.* Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Marek 2015 — *Marek Ch.* Zum Charakter der Hekatomnidenherrschaft im Kleinasien des 4. Jh. v. Chr. // *Winter E., Zimmermann K.* (Hrsg.) *Zwischen Satrapen und Dynasten. Kleinasien im 4. Jahrhundert v. Chr.* Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2015. S. 1–20.

Rhodes, Osborne 2003 — *Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Ridgway 1997 — *Ridgway B.S.* Fourth-century Styles in Greek Sculpture. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.

Ruzicka 2010 — *Ruzicka S.* The Pixodarus Affair Reconsidered // *Carney E., Ogden D.* (eds.) *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. New York – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 3–11.

Tuplin 2010 — *Tuplin C.* The Limits of Persianization: Some Reflections on Cultural Links in the Persian Empire // *Gruen E.S.* (ed.) *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles: Getty Research Institute, 2010. P. 150–182.

Vatai 1984 — *Vatai F.* Intellectuals in Politics in the Greek World. From Early Times to the Hellenistic Age. London — New York: Croom Helm, 1984.

Vlassopoulos 2013 — *Vlassopoulos K.* Greeks and Barbarians. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.